

случаях бывает, что рукописи восходят прямым путем к оригиналу автора, чаще же они непосредственно или косвенно продолжают путь разных изданий античных текстов.⁴ Полагают в общем, что ученые-византийцы IX в. очень редко брали на себя труд переписать древнюю рукопись, майюскул, т. е. капитальное письмо, или, чаще, унциал, внести в нее разделение слов, каждое слово снабдить ударением, а те, которые начинаются с гласной, — придыханием. Такое предположение не имеет значения для латинской традиции, где отсутствуют ударения и придыхания. Даже в греческой традиции оно иногда опровергается фактами. И ничто не мешает вообще предположить, что копии, снятые со средневекового архетипа, сличались (большею частью лишь непоследовательно) с другими древними кодексами, которые не были ни уничтожены сразу, ни исчезли под волшебным воздействием этого единственного, написанного минускулом, архетипа.

2) Византийская эпоха на Востоке, а каролингская и Возрождение на Западе обладали значительно большим, чем это можно предположить, количеством все еще сохранявшихся рукописей классиков. Даже еще во время французского и фламандского чинквеченто и сеиченто⁵ губили, теряли и уничтожали ценнейшие кодексы. Тот, кто примет это во внимание, принужден будет предположить, что случаи, когда все рукописи восходят к одному сохранившемуся архетипу, менее часты, чем это можно думать, и потребует более верных, чем обычно, доказательств для элиминации списков (*eliminatio codicum descriptorum*). В первой половине 19-го века зависимость рукописи более новой от более древней, подобной же традиции, слишком часто скорее предполагалась, чем доказывалась. Совпадение в обычных ошибках и в «вульгаризации» не доказывает родства. В общем, не доказывает родства и совпадение разных свидетельских показаний при подлинном чтении, так как подлинное чтение может сохраниться самостоятельно в разных разветвлениях традиции. Подобным же образом глоттология пользуется теперь для классификации языков, происходящих от одного и того же корня, совпадениями только в новообразованиях.

Но согласимся установить различие между кодексами греческими и кодексами латинскими: греческое сочинение, распространенное на Востоке, попадало на Запад часто в одном-единственном экземпляре. Монастырские же, богатые кодексами, библиотеки здесь на Западе редко бывали потеряны, без того чтобы не осталось следа. Многие тексты во время латинского средневековья были распространены в сотнях экземпляров, так как служили учебным целям. Есть полное основание полагать, что традиция латинских авторов вообще была менее ограничена, чем традиция авторов греческих.

3) По тем же соображениям в традиции латинских авторов всегда априори правдоподобно, что поздние свидетельские показания целиком или частично зависят от источников, отличающихся от того, от которого идут свидетельские показания более древние. Более новый (*recentior*) экземпляр не есть поэтому более плохой (*deterior*). Авторитетность свидетельского показания не зависит от его древности.

4) То, что говорится здесь о более новых рукописях, в такой же степени имеет значение и для гуманистических сличений рукописей и

⁴ Как в этом случае, так и дальше Паскуали пользуется современным нам словом «издание» (*edizione*) для обозначения публикаций древности, т. е. выпуска рукописи в свет для общего пользования.

⁵ Т. е. XVI и XVII вв.